

Режиссёр Чэн вовремя прервал эту безмолвную перепалку и повёл всех к заранее подготовленной площадке.

В центре стояли три больших мягких «платформы эмоций», на которые можно было прилечь или свернуться калачиком. Освещение вокруг было приглушённым, а звуковое оборудование — настроенным для создания нужной атмосферы.

— Итак, прошу представителей каждой группы подойти и вытянуть жребий, — режиссёр Чэн указал на три ящика. — В этом ящике порядок выступления, в этом — роли «Строителя стен» и «Разрушителя», а в последнем — ваши «ключевые эмоции».

Уэй Синцы тут же повернулась к Чи Си, её глаза засияли:

— Учитель Чи, учитель Чи! У вас лёгкая рука, тяните вы!

Чи Си посмотрела на ящики и спокойно распределила:

— Я вытяну порядок и роли, а ты тяни эмоцию.

Казалось, она хотела оставить самый непредсказуемый элемент на усмотрение Уэй Синцы.

— Идёт! — Уэй Синцы довольно потёрла ладони.

Представители групп вышли вперёд. Результаты оказались следующими:

Первая группа: Кэ Вэньлэ (Разрушитель) против Шэнь Лэя (Строитель), эмоция: страх.

Вторая группа: Ци Елэй (Разрушитель) против Линь Вэйвэй (Строитель), эмоция: зависть.

Третья группа: Уэй Синцы (Разрушитель) против Чи Си (Строитель), эмоция: доверие.

Увидев слово «доверие», Уэй Синцы моментально сникла, превратившись в грустного щенка, и укоризненно посмотрела на Чи Си:

— Ну вот... я же говорила, что у меня рука тяжёлая! Учитель Чи, это же уровень сложности — максимум! Вам придётся нелегко, выстраивая стену «доверия» и отбиваясь от меня, самой ненадёжной «разрушительницы» в мире...

Чи Си взглянула на её досадливое, живое выражение лица, едва заметно покачала головой, и в её голосе, лишённом лишних эмоций, прозвучало странное утешение:

— Ничего страшного. Доверие... оно ведь включает в себя и принятие неожиданностей. Не унывай.

Шэнь Лэй первым вышел на центральную платформу, его высокая фигура отбросила длинную тень под светом прожекторов.

Он замер, опустив глаза, на три секунды — зал затаил дыхание — и вдруг весь сжался, словно схлопнулся внутрь себя.

Он крепко обхватил себя руками, костяшки пальцев побелели, лопатки под рубашкой выпирали острыми углами, а шея была напряжена до предела.

Он запер себя в непроницаемый кокон, даже дышал едва слышно, словно любой звук мог потревожить невидимый страх.

Звукорежиссёр среагировал мгновенно: воздух наполнил низкочастотный гул вперемешку с ритмичным стуком сердца, а свет сменился на холодный синий, вытягивая тень Шэнь Лэя в дрожащий силуэт.

Улыбка на лице Кэ Вэньлэ исчезла, словно её стёрли ластиком. Он моргнул, инстинктивно сделал полшага вперёд и застыл, беспомощно шевеля пальцами — он был похож на огромного пса, который обнаружил, что хозяин дрожит, и не решается прыгнуть к нему.

Он осторожно протянул руку. Едва кончики его пальцев коснулись плеча Шэнь Лэя, тот вздрогнул и попытался вжаться в ещё более глубокий угол.

Кэ Вэньлэ отдернул руку, будто соприкоснувшись с раскалённым железом, его брови поползли вниз, уголки губ опустились — на лице читалось полное отчаяние: Что же делать, ему правда так страшно.

Музыка нарастала, давление усиливалось.

Кэ Вэньлэ вдруг глубоко вздохнул, обошёл Шэнь Лэя по дуге и остановился у него за спиной.

Он не стал снова пытаться коснуться его, а медленно, очень медленно «опустился» — не сел, а почти бесшумно прислонился к краю платформы, так что его плечо оказалось всего в дыхании от напряжённой спины Шэнь Лэя.

Он даже поджал свои вечно суетливые конечности, склонил голову, передавая своё тепло и ощущение присутствия, словно зверь, прижавшийся к замерзающему товарищу в зимнюю стужу.

Раздался сигнал об окончании времени.

Шэнь Лэй медленно разжал руки, выпрямился и обернулся. В его глазах ещё теплилась мрачность, но, встретившись с немного глуповатым, но полным искренней заботы взглядом Кэ Вэньлэ, он едва заметно кивнул.

Кэ Вэньлэ тут же ожил, подпрыгнул, хотел было обнять его за плечи, но вовремя остановился, почёсывая затылок и глупо улыбаясь:

— Брат Лэй, ты только что был похож на хрупкий стеклянный фонарь, который разобьётся от любого прикосновения. Я даже дышать боялся.

Гань Сыюнь, подперев лицо руками, воскликнула:

— Шэнь Лэй сыграл не страх, а саму суть страха. Тот холод, что просачивается из самых костей... А выбор Кэ Вэньлэ в конце был таким нежным, словно... словно...

Она запнулась.

Психолог Ли Жунжун спокойно подхватила:

— Словно успешный пример неинвазивной эмоциональной поддержки. Строитель продемонстрировал типичную избегающую защиту, Разрушитель поначалу пытался использовать прикосновения, что вызвало лишь большее отторжение, но затем перешёл к невербальному присутствию, дарующему чувство безопасности. Такая эмпатия — присутствовать, но не вторгаться — это очень высокий уровень.

Она отметила что-то в оценочном листе:

— Шэнь Лэй — богатство эмоциональных слоёв, 38%; Кэ Вэньлэ — искренность процесса эмпатической настройки, 35%; достигнутый эмоциональный баланс, хоть и кратковременный, но целостный, 19%. Итого: 92%.

Режиссёр Чэн крикнул из-за монитора:

— Хорошо, приглашаем следующую группу, розовую команду.

Линь Вэйвэй вышла на платформу плавной походкой, каждый шаг которой был выверен до миллиметра.

Она села боком, вытянув шею в красивом, надменном изгибе, задрав подбородок так высоко, будто собиралась ловить пыль с потолка.

Её взгляд остро устремился на невидимого врага, но пальцы предательски сплелись в замок, сминая подол платья в нервные складки — она напоминала тщательно выточенную ледяную статую «Зависти».

Ци Елэй мягко улыбнулся и подошёл к ней.

Он попытался кончиками пальцев нежно провести по её руке, двигаясь грациозно, словно поглаживал антикварный фарфор.

Линь Вэйвэй среагировала молниеносно: она с силой оттолкнула его руку, метнув в ответ ледяной взгляд.

Ци Елэй ничуть не смутился, напротив, воспользовался моментом, чтобы подойти ещё на полшага ближе, наклонился к её уху и прошептал что-то низким голосом.

Камера отчаянно пыталась поймать дрожь её серёжек и едва заметную, знающую улыбку в уголках губ Ци Елэя.

Дальнейшие попытки разрушения стены окончательно скатились в странную манеру «растопить лёд флиртом».

Ци Елэй приобнял её за плечи, глядя на неё с магнетизмом, пытаясь растворить эту зависть своим «Я понимаю твои тайные мысли и считаю тебя очаровательной».

Линь Вэйвэй поддалась, и в её отчуждённом взгляде постепенно промелькнуло довольство от того, что на неё обратили внимание, хотя тело по-прежнему сохраняло позу колючей надменности.

В финальном объятии Ци Елэй держал её с явным собственничеством, а Линь Вэйвэй, помедлив, осторожно положила руки ему на спину, при этом выражение её лица напоминало палитру художника: три части досады, пять частей торжества и две части вопроса — Сняла ли камера мой самый красивый ракурс?

Выступление закончилось.

Линь Вэйвэй быстро привела лицо в порядок, снова став слегка обиженной маленькой феей.

Ци Елэй сохранил свою невозмутимую улыбку человека, привыкшего купаться во внимании.

<http://bllate.org/book/21342/2166180>